ЕКАТЕРИНА ПОПОВА

ОЛИВИЯ

РОМАН

Екатерина Попова

Оливия

«Автор»
2026

Попова Е.

Оливия / Е. Попова — «Автор», 2026

Когда-то, на берегу Волги, маленькие Оливия и Митя дали друг другу обещание. Он обещал вернуться. Она — ждать.Но Митя так и не вернулся, а Оливия продолжала ждать...Шли годы. Память о мальчике постепенно становилась призрачной, и порой Оливии казалось, что она сама придумала его — придумала их встречу, его обещание, саму возможность однажды увидеть его снова. И лишь кулон на её шее упорно напоминал: он был. Он существует. И, быть может, где-то в этом огромном мире всё ещё живёт тот, кого она так долго ждёт.Но что, если однажды судьба сведёт их лицом к лицу? Узнает ли Оливия Митю среди тысячи незнакомых лиц? И узнает ли он её? Две судьбы. Две раны. Одна сила, способная изменить всё.

© Попова Е., 2026
© Автор, 2026

Екатерина Попова
Оливия

Глава 1

ОЛИВИЯ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОБЕЩАНИЕ У ВОЛГИ

«Так, — случайно, как говорят люди, умеющие читать и писать, — Грэй и Ассоль нашли друг друга утром летнего дня, полного неизбежности».

Александр Грин. «Алые паруса»

Глава 1. Алые паруса

Город Углич. Осень 1997 года.

Солнце уже поднялось над церковью Флора и Лавра, позолотив её старые купола. Утренний туман медленно рассеивался, оставляя над Волгой редкие белые клочья, похожие на облака, спустившиеся к самой воде. В воздухе пахло сырой листвой, речной прохладой и дымом из печных труб.

Под берёзой, на старом деревянном стуле, спал кот Васька.

Стул давно принадлежал ему. Во всяком случае, сам Васька в этом нисколько не сомневался. Здесь он спал, грелся на солнце и точил когти о ножки, отчего те давно приобрели весьма жалкий вид.

У стула стояла миска с молоком и размоченным хлебом.

Вокруг миски уже несколько минут прогуливалась ворона. Она то приближалась к завтраку, то отступала, поглядывая на спящего кота одним чёрным глазом.

Васька не шевелился.

Вдруг со стены старого храма с грохотом осыпался кусок штукатурки.

Кот приоткрыл один глаз, недовольно повёл ухом, широко зевнул и снова погрузился в сон.

Ворона решила, что лучшего случая ей не представится. Осторожно приблизившись к миске, она ловко выудила клювом кусок хлеба.

Но стоило ей потянуться за вторым, как Ваську будто подменили.

Шерсть на его спине встала дыбом, хвост распушился, и с таким грозным шипением, словно речь шла не о куске хлеба, а о спасении всего кошачьего рода, он бросился на воровку.

Ворона взмыла на берёзу, не выпуская добычи.

— Ну что ж ты, Васька, всё ворон гоняешь?

Рядом со стулом стоял мальчик лет семи. На нём были чёрные брюки, тёмная курточка и шапка, сползавшая на одно ухо.

— Тебя тут вся округа кормит, а ты вороне хлеба пожалел. Повезло тебе уродиться котом священника!

Васька, будто соглашаясь с последним замечанием, довольно замурлыкал и принялся тереться о мальчишеские ноги, оставляя на чёрных брюках клочья рыжей шерсти.

— Вот спасибо! — Митя попытался отряхнуться, но кот лишь настойчивее прижался к нему. — Ну всё, иди уже. Мне некогда.

Он поднял голову и посмотрел на церковные двери.

Изнутри доносилось негромкое пение.

— Уже началось, наверное, — пробормотал Митя. — Эх, хотел маму с дежурства дождаться, да разве её дождёшься...

Он ещё раз потрепал Ваську за ухом и поспешил к храму.

У самых дверей остановился, снял шапку, пригладил растрёпанные волосы. Затем трижды перекрестился, поклонился и вошёл внутрь.

В церкви было тесно и душно.

Казалось, на венчание Сергея и Анны собрался весь Углич, а заодно и несколько соседних деревень. Женщины в праздничных платках стояли плечом к плечу, мужчины переминались с ноги на ногу, дети выглядывали из-за взрослых спин.

Пахло воском, ладаном и осенними цветами.

Посреди храма стояли жених с невестой. В руках они держали зажжённые свечи. Белоснежное платье Анны мягкими складками ложилось на пол, а длинный шлейф почти касался ног гостей.

Перед молодыми, с кадилом в руке, стоял отец Андрей.

Митя привстал на носочки, пытаясь разглядеть, что происходит впереди, но увидел только чью-то широкую спину.

Он вздохнул и решительно принялся пробираться сквозь толпу.

— Христа ради, простите... Пропустите, пожалуйста... Мне очень надо...

Одни прихожане с улыбкой расступались, другие недовольно ворчали. Кто-то потрепал его по голове, отчего волосы снова встали торчком.

— Ой! Да кто ж это мне на ногу наступил? — возмутилась женщина в синем платке.

— Простите, тётя Маня! — Митя виновато поднял глаза. — Я нечаянно!

— Митенька! Ну куда ж ты лезешь? Тут ведь венчание!

— Знаю, тётя Маня. Мне только Оливку найти!

— Ишь ты, Оливку ему! А после венчания никак нельзя?

Но Митя уже протискивался дальше.

Добравшись почти до середины храма, он едва не наступил на шлейф невесты и вовремя отдёрнул ногу.

Отец Андрей как раз совершал каждение. Заметив мальчика, он на мгновение задержал взгляд. В уголках его губ промелькнула едва заметная улыбка.

Не прерывая службы, священник глазами указал на скамью возле иконы преподобного Серафима Саровского.

Митя сразу понял.

Он благодарно кивнул, а отец Андрей уже вновь обратился к молодым:

— Господи, Боже наш, славою и честию венчай я!

На скамье сидела Мария Львовна.

Митя помнил её совсем другой.

Когда-то она часто смеялась, носила красивые платья и могла подолгу рассказывать детям истории. Теперь же всё чаще молчала и почти не выходила из дома.

Сегодня на ней было тёмное платье и белый кружевной платок. От этого платка лицо казалось ещё бледнее. Под глазами залегли глубокие тени, тонкие пальцы неподвижно лежали на коленях.

За последнее время она снова похудела.

Митя остановился перед ней.

— Мария Львовна, — тихонько позвал он. — А где Оливка?

Женщина медленно подняла голову.

На мгновение ему показалось, что она даже не узнала его. Потом в глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

Не произнеся ни слова, Мария Львовна с трудом приподняла руку и указала в сторону.

Митя обернулся.

И сразу увидел её.

Оливия стояла чуть поодаль, возле иконы Божией Матери.

На ней было светлое платьице с маленьким кружевным воротничком. Волосы аккуратно заплетены, а на затылке красовался большой белый бант.

Она закрыла глаза и сложила ладошки перед лицом.

Губы её едва заметно шевелились.

Митя хотел было окликнуть подругу, но остановился.

Он знал: если Оливка так стоит, значит, разговаривает с Богом.

А мешать такому разговору никак нельзя.

Поэтому он тихонько встал рядом и принялся ждать, поглядывая то на неё, то на венчающихся.

Ждать пришлось долго. Во всяком случае, самому Мите так показалось.

Наконец Оливия открыла глаза.

— Оливка! — радостно прошептал он.

Девочка обернулась.

Лицо её мгновенно просияло. На щеках появились две очаровательные ямочки, а сама она от радости даже приподнялась на носочки.

— Митя!

— Пойдём скорее со мной!

— Куда?

— Увидишь!

Оливия оглянулась на отца.

— А папа? Он ведь заругает, если я уйду с венчания.

— Да как он тебя заругает? — Митя едва сдержал смех. — Не бросит же он Аньку с Сергеем посреди службы, чтобы за тобой бегать!

— Всё равно...

— Оливка, да знаю я, как дядя Андрей тебя ругает! Чмокнет в лобик, пальчиком погрозит — и всё!

Девочка прыснула со смеху, но тут же прикрыла рот ладошкой.

— Тише ты!

— А я что? Я тихо!

Оливия снова посмотрела на отца, потом на мать.

— Мамочка, можно?

Мария Львовна подняла на дочь усталые глаза.

Оливия подошла ближе и осторожно коснулась её руки.

— Мы ненадолго. Правда, Митя?

— Совсем ненадолго, Мария Львовна!

Женщина слабо кивнула.

— Только далеко не уходите, — едва слышно произнесла она.

— Не уйдём! — пообещала Оливия.

И уже через минуту дети, стараясь не шуметь, пробирались к выходу.

Осень в Угличе была удивительно красивой.

Узкая тропинка, ведущая от храма к Волге, утопала в жёлтых и багряных листьях. По обеим сторонам росли берёзы, уже почти обнажившие свои тонкие ветви. Иногда налетал ветер, и тогда листья срывались с деревьев, кружились в воздухе и медленно опускались под ноги.

Митя и Оливка шли плечом к плечу.

Мальчик то и дело пинал носком ботинка опавшую листву, а девочка старалась наступать только на самые красивые листья, отчего её походка напоминала какой-то замысловатый танец.

Некоторое время они молчали.

Потом Митя спросил:

— Оливка, а Мария Львовна опять заболела?

Девочка остановилась.

Улыбка исчезла с её лица.

— Не знаю.

— Она совсем худенькая стала.

— Знаю.

Оливия опустила голову и принялась носком туфельки ковырять землю.

— Бабки говорят, что мама чахнет и скоро умрёт.

Митя нахмурился.

— Какие ещё бабки?

— Да наши. Которые возле храма всё время сидят.

— Мало ли что они говорят!

— А врачи говорят, что мама здоровая, — продолжила Оливия, будто не слыша его. — Только почему же она тогда всё время лежит? И ходить ей тяжело. И смеётся она теперь редко...

Девочка подняла глаза.

— Митя, разве здоровые люди так живут?

Мальчик задумался.

— Может, у неё депрессия.

— Чего?

— Депрессия, — с важным видом повторил он.

Оливия недоверчиво прищурилась.

— Какая ещё преся?

— Не преся, а де-прес-си-я!

Он произнёс слово по слогам, явно довольный тем, что знает нечто такое, чего не знает подруга.

— Мама моя говорила. Это когда у человека душа болит.

Оливия задумчиво посмотрела на реку.

— А как же душа может болеть?

— Не знаю. Наверное, как сердце. Только внутри.

— Глупости какие-то!

Она вдруг нагнулась, набрала целую охапку жёлтых листьев и подбросила их над головой.

Листья взлетели, закружились и посыпались ей на волосы.

— Посмотри, Митя, какая красота! Ну как тут душе болеть?

Митя пожал плечами.

— А вот болит, наверное.

Оливия стряхнула листья с плеч.

— Я всё равно не верю, что мама умрёт. Папа каждый день за неё молится. Говорит, Господь нас не оставит.

Она помолчала, а потом добавила уже совсем другим, твёрдым голосом:

— И я врачом стану.

— Врачом?

— Да! Самым лучшим! И придумаю такую таблетку, чтобы мама выпила — и сразу выздоровела. Навсегда-навсегда!

— А разве такие таблетки бывают?

— Пока нет, — уверенно ответила Оливия. — Вот я и придумаю.

Митя посмотрел на неё с уважением.

— Тогда ты и мою маму лечить будешь, если заболеет?

— Конечно!

— И меня?

— И тебя!

— Даже если я буду совсем старый?

— Даже если будешь старый-престарый, с бородой до самого пола!

Оба рассмеялись.

Они уже подходили к реке, когда Митя вдруг вспомнил:

— Оливка, а о чём ты сегодня молилась?

Девочка мгновенно покраснела.

— Ну, Митя!

— Что?

— Разве можно такое спрашивать?

— Почему нельзя?

— Потому что это секрет!

— От меня?

— От всех!

Митя обиженно засопел.

— А я думал, у нас с тобой секретов нет.

Оливия ничего не ответила.

Она побежала вперёд и опустилась на старую деревянную скамейку у самой Волги.

Вода тихонько плескалась у берега. На противоположной стороне виднелись деревья, окрашенные осенью в золотые и красные цвета.

Оливия наклонилась, пытаясь разглядеть своё отражение в воде.

Потом улыбнулась ему.

Митя подошёл не спеша и сел рядом, нарочно оставив между ними немного места.

— Ну и не говори, — пробормотал он.

Оливия искоса посмотрела на него.

— Ты обиделся?

— Нет.

— А чего тогда надулся?

— Не надулся я.

Девочка придвинулась ближе.

— Ну, Митенька...

Он молчал.

— Ну хочешь, расскажу?

Митя повернулся к ней.

— Хочу!

Оливия опустила глаза и принялась теребить край платья.

— Только смеяться не будешь?

— Не буду.

— И никому не расскажешь?

— Никому!

Она глубоко вздохнула.

— Я сегодня Аньку увидела... В таком красивом белом платье. И фата у неё до самого пола. И свечка в руках...

— Ну?

— И мне тоже захотелось.

— Платье?

— Нет, Митя! — Оливия снова покраснела. — Замуж!

Мальчик удивлённо посмотрел на неё.

— За кого?

— Ну за тебя, глупый!

Несколько мгновений Митя молчал.

Оливия испугалась.

— Ты только не смейся!

— А я и не смеюсь.

— Я у Бога попросила, чтобы мы с тобой когда-нибудь тоже обвенчались. Вот в этом самом храме. И чтобы папа нас венчал.

Она наконец решилась поднять на него глаза.

— Ты не против?

Митя задумался.

Потом совершенно серьёзно ответил:

— Конечно, не против.

— Правда?

— Правда. Только нам сначала вырасти надо.

— Ну это понятно!

— Вот вырастем, и дядя Андрей нас обвенчает.

Оливия заулыбалась так широко, что ямочки на её щеках стали ещё глубже.

— Обещаешь?

— Обещаю!

Она довольно вздохнула и посмотрела на реку.

Митя тем временем сунул руку в карман.

— А я тебе подарок принёс.

— Какой ещё подарок?

— На день рождения.

— Так у меня же через две недели только!

— Знаю.

— Тогда почему сейчас?

Митя отвёл взгляд.

— Потому что папа сегодня приезжает.

Оливия замерла.

— Твой папа?

— Мой.

— Настоящий?

— А какой же ещё?

— Так ты же его никогда не видел!

— Не видел, — тихо ответил Митя.

— Совсем-совсем?

Он покачал головой.

Оливия смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Митя, да это же какое счастье!

Она вскочила со скамейки, схватила его за руки и потянула за собой.

— Вставай!

— Да зачем?

— Ну вставай же!

И прежде чем он успел возразить, девочка принялась кружить его по усыпанной листьями дорожке.

— У Мити папа приезжает! У Мити папа приезжает!

— Оливка, перестань! Голова кружится!

Но она только громче смеялась.

С веток вспорхнули испуганные птицы.

Наконец оба, запыхавшись, повалились обратно на скамейку.

Митя долго не мог отдышаться.

— Мама сказала, что я к нему погостить поеду, — произнёс он, когда дыхание немного успокоилось.

— Надолго?

— Не знаю. Может, на несколько дней. А может, и подольше.

— А на мой день рождения вернёшься?

— Постараюсь.

Оливия ненадолго задумалась.

— А где твой папа живёт?

— В Ярославле.

— Ой, так это же совсем близко!

— Ну не совсем.

— Всё равно близко! Не на другом же конце света!

Она немного помолчала, а затем тихо добавила:

— Я тебя буду ждать, Митя.

— Знаю.

— Сколько надо, столько и буду.

Мальчик снова полез в карман.

— Вот поэтому и подарок сейчас.

Он достал маленькую красную бархатную коробочку и протянул Оливии.

Девочка осторожно взяла её обеими руками.

— Это мне?

— Тебе.

Она медленно приподняла крышку.

Внутри, на тёмном бархате, лежал серебряный кулон в форме маленького дерева. Тонкий ствол переходил в раскидистые веточки, а на них виднелись крошечные листочки.

Кулон висел на белой нити.

Оливия ахнула.

— Митя...

Она осторожно коснулась дерева кончиком пальца.

— Какое красивое!

— Это оливковое дерево, — объяснил он. — Как твоё имя.

— А где ты его взял?

— Сам сделал.

Оливия подняла голову.

— Сам?!

— Ну... Петрович помог. Который ювелир. Я ему нарисовал, какое хочу, а он показал, как делать. И кое-что сам доделал.

— Митенька...

Девочка смотрела то на кулон, то на мальчика и никак не могла подобрать слов.

— Нравится? — с тревогой спросил он.

— Очень!

Она прижала коробочку к груди.

— Я никогда-никогда его не сниму!

— Даже когда вырастешь?

— Даже когда стану старенькой!

— А если нить порвётся?

— Другую привяжу!

Митя довольно улыбнулся.

— Давай надену.

Оливия повернулась к нему спиной и подняла волосы.

Митя осторожно достал кулон из коробочки. Белая нить никак не хотела завязываться. Он несколько раз пытался справиться с маленьким узелком, сердился на собственные пальцы, пока наконец не затянул его.

— Всё!

Оливия повернулась.

Серебряное деревце лежало у неё на груди.

— Красиво?

Митя посмотрел на кулон, потом на её сияющее лицо.

— Красиво.

Оливия снова прикоснулась к подарку.

— Спасибо тебе, Митенька.

Она наклонилась и быстро поцеловала его в щёку.

Мальчик смутился и отвернулся к реке.

— Да ладно тебе...

— Нет, правда! Это самый красивый подарок на свете!

Они ещё немного посидели молча.

Оливия рассматривала серебряное деревце, а Митя наблюдал, как ветер гонит по воде маленькие волны.

— Митя!

Сверху, со стороны тропинки, раздался женский голос.

Мальчик обернулся.

К ним спускалась Елена Петровна.

На ней было тёмное пальто, а из-под платка выбивались светлые пряди волос. Она шла быстро, придерживая одной рукой сумку.

— Так и знала, что найду тебя здесь!

Митя вскочил.

— Мама! Уже пора?

— Пора, дорогой.

— Здравствуйте, Елена Петровна! — звонко произнесла Оливия.

— Здравствуй, Оливушка.

Женщина улыбнулась девочке.

— Какое у тебя украшение красивое!

Оливия гордо показала кулон.

— Это мне Митя подарил!

Елена Петровна посмотрела на серебряное деревце, потом на сына.

На мгновение её взгляд задержался на нём, но она ничего не сказала.

— Ну что ж, очень красивый подарок.

Митя опустил глаза.

— Мам, а папа уже приехал?

— Скоро будет. Нам нужно домой.

Оливия вдруг крепко обняла Митю за шею.

— Ты только обязательно возвращайся!

— Вернусь.

— Обещаешь?

— Обещаю, Оливка!

Она отпустила его, но тут же снова схватила за руку.

— А про венчание не забудешь?

Митя испуганно покосился на мать.

Елена Петровна приподняла брови.

— Про какое ещё венчание?

— Ни про какое! — поспешно ответил мальчик.

Оливия звонко рассмеялась.

— Это наш секрет!

— Ах, секрет! — улыбнулась Елена Петровна. — Ну тогда не буду спрашивать.

Они вместе поднялись по тропинке.

Возле храма Оливия остановилась.

— Мне пора к маме.

— Беги, дорогая, — сказала Елена Петровна. — А то отец Андрей скоро хватится.

Оливия ещё раз помахала Мите рукой и побежала к церковным дверям.

На ходу она обернулась.

— Митя! Я ждать буду!

— Я знаю!

Она скрылась за дверью.

Митя ещё несколько секунд смотрел ей вслед.

Потом мать взяла его за руку.

— Пойдём, сынок.

Они шли домой по тихой улице.

Под ногами шуршали листья. За заборами лаяли собаки, где-то во дворе стучал топор. Из открытой форточки одного из домов доносилось радио.

Митя молчал.

Елена Петровна поглядывала на него, но не торопила.

Наконец мальчик остановился.

— Мам...

— Что, дорогой?

— Мне нужно тебе кое в чём признаться.

Она тоже остановилась.

— Ну, говори.

Митя глубоко вздохнул.

— Я скверный поступок совершил.

— Какой же?

Он опустил голову.

— Помнишь, у тебя серебро лежало? В шкатулке?

— Помню.

— Ну вот... Я его взял.

Елена Петровна внимательно посмотрела на сына.

— Без спроса?

Митя кивнул.

— И к Петровичу отнёс. Он мне помог кулон сделать. Для Оливки.

Женщина помолчала.

— Значит, вот из чего твоё деревце.

— Да.

— А почему же ты меня не спросил?

Митя пожал плечами.

— Не знаю. Хотел сюрприз сделать. А потом подумал, что ты не разрешишь.

— И решил взять тайком?

— Да, — едва слышно признался мальчик.

Елена Петровна присела перед ним, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Митенька, это и правда нехороший поступок. Нельзя брать чужое без разрешения. Даже если очень хочется сделать кому-то приятное.

— Знаю, мам.

— А ведь если бы ты попросил, я бы тебе сама это серебро отдала. Оно у меня всё равно лежало без дела.

Митя сжал губы.

— Ты сильно сердишься?

— Мне неприятно, что ты не спросил. Но я рада, что ты сам рассказал.

Он помолчал, потом тихо спросил:

— Мам, а ты меня теперь меньше любишь?

Елена Петровна удивлённо посмотрела на него.

— С чего ты взял?

— Ну... Я же плохое сделал.

Она притянула сына к себе.

— Глупенький ты мой. Разве можно любить своего ребёнка меньше из-за того, что он ошибся?

Митя крепко обнял её за шею.

— Значит, ты меня всё равно любишь?

Елена Петровна поцеловала его в висок.

— Люблю, дорогой, — ласково сказала она. — Люблю до безумия.